

Он увидел золотой свет! Свет исходил от стен внутри храма, от всех расплывчатых изображений людей.

Каждое из них было словно маленьким источником света, и сейчас их сияние сливалось воедино, делая весь храм невероятно ярким, но самым мощным источником света были не они.

Это была... та статуя, которой поклонялись в храме, главная статуя, державшая каменный клинок! Сердце Сюй Цина затрепетало в этом золотом свете. Он также увидел у входа в храм чёрную туманную фигуру, чьи очертания были неразличимы, можно было увидеть лишь смутный человеческий силуэт, искажённый золотым светом.

За ней, снаружи храма, таких же расплывчатых фигур из чёрного тумана было несколько сотен. Некоторые были человекоподобными, другие — звероподобными.

В этот момент все они излучали леденящий холод, сливаясь в единый поток ужасающего мороза, словно незримо связанные с чёрным туманом, проникшим в храм.

Эта единственная тень, вошедшая в храм, под золотым сиянием медленно подняла голову и издала рёв, способный сотрясти душу, после чего сделала ещё один шаг.

Этот шаг словно был кощунством, нарушением запрета!

В тот момент, когда нога коснулась земли, Сюй Цин с ужасом увидел, как озарённая сиянием статуя с клинком будто ожила и сошла со своего места.

Она излучала непререкаемый авторитет и неопишемую святость, словно сошедший с небес Бог. Широкими шагами, под грохот собственных ног, она направилась к тёмной фигуре.

Замахнулась и опустила клинок.

Этот удар был простым и незамысловатым, но в этой простоте чувствовалась какая-то великая сила, поражающая воображение.

Уши ничего не слышали, но душа ощутила душераздирающий крик, вырвавшийся из чёрной фигуры.

Туман мгновенно испарился, обнажив истлевшее тело в рваной одежде.

Можно было разглядеть, что это был старик с пустыми глазницами.

В следующий миг его тело рассыпалось, подобно туману, растворяясь в воздухе.

На остальных теней снаружи это тоже повлияло. Чёрный туман вокруг них стал рассеиваться, и Сюй Цин в расширяющемся золотом свете увидел среди них знакомое лицо.

Это был... капитан отряда Кровавой Тени! Сейчас он был среди теней, его худое лицо было лишено всякого выражения, и по мере распространения золотого света его тело словно очищалось и растворялось.

Через некоторое время оставшиеся в ночной тьме тени стали медленно отступать, пока не исчезли совсем.

Золотой свет в храме тоже постепенно угасал. Грозная фигура развернулась и вернулась на своё место. Когда сияние вокруг неё окончательно рассеялось, она вновь стала каменной статуей, стоящей неподвижно и смотрящей в сторону входа, словно ожидая, словно охраняя.

Прошло много времени, всё вернулось на круги своя. Лишь Сюй Цин, наблюдавший за всем этим сквозь щель в стене, тяжело дышал, а в его глазах читалось неверие.

Капитан Сюэ Ин, который погиб в тумане песни, обратился в прах на его глазах, всё ещё существовал.

Обычный храм по ночам излучал ослепительный золотой свет.

Неподвижная каменная статуя спустилась вниз, словно божество, и нанесла тот удар, исполненный неопишуемой мощи.

На небе забрезжил рассвет, начинался новый день.

Сюй Цину потребовалось много времени, чтобы успокоиться. Он молча выбрался из своего укрытия.

Он посмотрел на солнечный свет, затем обвёл взглядом изображения на стенах и, наконец, остановился на статуе с клинком.

Он не знал, кем она была, живой или мёртвой.

Он не знал, сколько лет этому храмовому комплексу и каким величием он обладал в прошлом.

Но то, что произошло прошлой ночью, потрясло его до глубины души.

Особенно мощь, заключённая в том ударе, поразила Сюй Цина, словно врезавшись в его душу. Он не мог забыть её.

Он не мог представить, что в этой Запретной зоне, полной опасностей, есть место, куда не может проникнуть тьма.

Командир Лэй не рассказывал ему об этом. Возможно... даже он не знал.

Очевидно, что подобное тому, что произошло прошлой ночью, случается нечасто, и в лагере не было никого, кто мог бы оставаться в Запретной зоне столько же времени, сколько и он.

Так что даже если кто-то и видел подобное, то лишь единицы, а для большинства это стало неподтверждённой легендой.

Сюй Цин молча поклонился статуе с мечом и окружающим её изображениям.

Подумав, он достал из кожаного мешочка обрубок свечи, поставил его перед статуей, зажёл и снова поклонился.

Затем он развернулся и вышел из храма.

Даже покинув храмовый комплекс, он всё ещё время от времени оглядывался, словно желая запечатлеть это место в своей памяти, а в его голове продолжал всплывать тот удар.

Эта картина была настолько яркой в его сознании, что, покинув территорию храма, Сюй Цин, идя по густому лесу, машинально поднимал правую руку, пытаясь повторить её.

И каждый раз, когда он это делал, он чувствовал что-то особенное.

Если совершенствование техники Морей и Гор заключалось в визуализации диаграммы Горного Духа и подражании ей, то сейчас Сюй Цин заменил диаграмму Горного Духа образом того удара в своей голове.

Подражая ему, он незаметно для себя повысил уровень культивации, и техника Морей и Гор достигла четвёртого уровня! Возможно, благодаря подражанию тому удару, это повышение не только увеличило его силу и скорость, но и привело к некоему прорыву в духовном смысле.

Этот прорыв сделал мысли Сюй Цина более острыми, а в замахе и ударе правой руки появился слабый отголосок того, как это делала статуя.

Сюй Цин был очень рад этому.

Постепенно прошло два дня. Возможно, потому что он находился на окраине, а может, из-за ночного происшествия в храме, на обратном пути ему больше не встречались странные шаги.

Зато Сюй Цин столкнулся с несколькими странными зверями.

Но возросший уровень культивации повысил его шансы на выживание, и, действуя осторожно, он справился с ними.

Хотя ему не удалось найти Цветок Небесной Судьбы и камень избавляющий от шрамов. Он собрал немало Семилистной травы, которую можно было продать за хорошие деньги.

Когда наступил вечер, Сюй Цин увидел край леса. Он уже собирался выйти, но вдруг остановился и посмотрел на траву у своих ног.

Эта трава чем-то напоминала Цветок Небесной Судьбы, но даже с его скудными познаниями в растениях, он мог с уверенностью сказать, что это не он.

Однако Сюй Цин, подумав, огляделся по сторонам с виноватым видом и, немного поколебавшись, всё же сорвал её и положил в кожаный мешочек.

Он бежал без оглядки и, выбравшись из леса, вернулся в лагерь уже ночью.

Было ещё не поздно, и в лагере было шумно, особенно в той части, где на палатках были перья. Там слышался смех и развратное пыхтение.

Сюй Цин не обращал на это внимания. Когда он добрался до дома, то наткнулся на выходящего командира Лэя.

Заметив, что, хотя Сюй Цин выглядел потрепанным, с ним всё в порядке, командир Лэй успокоился.

— Почему ты так долго?

— Ходил к храму.

В лунном свете, Сюй Цин увидел красные прожилки в глазах командира Лэя и усталость на его лице.

Очевидно, что в последнее время тот плохо спал, и Сюй Цин понял причину... Ему стало тепло на сердце.

— Храм?

Командир Лэй был несколько удивлён. Он не ожидал, что Сюй Цин забрёл так далеко.

Пригласив его на кухню, засучил рукава и, пока Сюй Цин ждал, вынес приготовленную еду.

Еда была ещё тёплой, без следов того, что её кто-то трогал. Сюй Цин опешил.

Он прекрасно понимал, что командир Лэй не знал, когда он вернётся, так что наличие горячей еды могло означать только одно.

Он... каждый день готовил и ждал его.

Сюй Цин молча встал, чтобы взять миски и палочки для еды. Как и раньше, их было три пары, две из которых стояли рядом. Затем он сел и начал есть.

Еда была очень вкусной, с особым ароматом, который невозможно было ощутить вкусовыми рецепторами, а только сердцем.

Командир Лэй ел мало, большую часть времени он либо пил, либо смотрел на Сюй Цина с улыбкой на лице.

— Ешь побольше. Ты ещё растёшь, если не будешь хорошо питаться, то так и останешься таким маленьким.

Эти слова заставили Сюй Цина опустить голову. Спустя некоторое время он промычал в знак согласия и послушно съел больше. Затем он рассказал командиру Лэю о том, что видел в храме.

Командир Лэй, который потягивал вино, вскоре был захвачен рассказом Сюй Цина. Когда юноша закончил, он сделал глубокий вдох и медленно заговорил.

— Я слышал об этом раньше, но это было очень давно. Кажется, кто-то видел нечто подобное, но, как и в случае с пением, в конце концов, это стало легендой.

— Если подумать, это произошло вскоре после того, как появилось пение, — пробормотал командир Лэй. Внезапно он вспомнил что-то, и в его глазах появилась печаль.

Глядя на командира Лэя, Сюй Цин понял, о чём он думает, и почувствовал угрызения совести. Он решил, что не следовало рассказывать об этом, и замолчал.

Спустя некоторое время командир Лэй пришёл в себя и, словно поняв причину молчания Сюй Цина, улыбнулся.

— Ты слишком чувствительный, малыш. Я не такой хрупкий, как ты думаешь.

Сказав это, командир Лэй сделал большой глоток вина и сменил тему, рассказывая Сюй Цину о забавных случаях, произошедших в лагере за последнее время.

Он пил и рассказывал, а Сюй Цин ел и слушал.

Словно они были... семьёй.

Поздно ночью, сидя и попивая вино, командир Лэй с улыбкой наблюдал, как Сюй Цин убирает и моет посуду. Затем он встал и вернулся в свою комнату.

Сюй Цин тоже вернулся к себе. Войдя, он увидел, что постельное бельё было заменено на новое и расправлено. От него пахло солнцем.

Сюй Цин поднял голову и посмотрел на комнату командира Лэя рядом. Спустя некоторое время он подошёл, хотел сесть на кровать, но, посмотрев на свою одежду и грязные руки, свернул постельное бельё и сел на доски пола, закрыв глаза и начав совершенствование.

Утром Сюй Цин открыл глаза.

Он уже собирался выйти из комнаты, но, подумав, пошёл в туалетную комнату и, преодолевая неприязнь, вымыл руки.

Когда его руки стали чистыми и белыми, он сделал глубокий вдох, вышел из комнаты и направился к палатке врача в обозе.

Он знал, что нельзя приходить слишком рано, но и не хотел приходить слишком поздно.

В первом случае мастер Бай ещё не начал урок, а во втором... он боялся пропустить начало.

Таким образом, рассчитав время, Сюй Цин подошёл к палатке мастера Бая как раз в тот момент, когда оттуда слышались звуки экзамена.

Сюй Цин был очень рад и молча стоял, прислушиваясь.

— Роса синего лотоса, также известная как Роса голубой лилии, получается из бутонов лотоса из семейства кувшинковых с помощью специального метода приготовления на медленном огне. Это ароматная вода, которая успокаивает лёгкие и лечит кровохарканье, вызванное магией огня...

Из палатки доносился голос девушки, как и всегда. Сюй Цин слушал, постепенно погружаясь в её слова. Время шло незаметно, и вскоре прошёл час. Внезапно палатка открылась, и мастер

Бай вышел, посмотрев на него.

— Что тебе нужно? — взгляд мастера Бая не был острым, но в нём чувствовалась власть. Сюй Цин очень нервничал. Преодолевая страх, он достал из кожаного мешка травы, которые собрал по дороге, и, опустив голову, тихо спросил, — мастер Бай, я... я хотел бы узнать, это Цветок Небесной Судьбы?

Услышав это, мастер Бай опешил.

Он окинул траву взглядом, в его глазах мелькнуло странное выражение. Затем он посмотрел на руки юноши, которые были намного чище, чем обычно. Спустя некоторое время, пока Сюй Цин всё больше нервничал, он медленно произнёс: — Это не он.

Сюй Цин поспешно поклонился и быстро ушёл. По дороге он вздохнул с облегчением, но в глубине души всё ещё чувствовал беспокойство. Он обернулся, чтобы посмотреть на палатку, и увидел, что мастер Бай тоже стоит там.

Заметив взгляд юноши, мастер Бай кивнул.

Сюй Цин остановился, ещё раз глубоко поклонился и ушёл.

Проводив взглядом Сюй Цина, мастер Бай вернулся в палатку. В этот момент охранники и юноша с девушкой, которые были внутри, словно окаменели и не двигались.

На месте, где раньше сидел мастер Бай, неизвестно когда появился стол с едой и вином. Рядом сидел старик в пурпурном халате, за которым стоял старый слуга в серой одежде.

Увидев вошедшего мастера Бая, старик в пурпурном рассмеялся.

— Мастер Бай, ну как?

— Что "как"?

Мастер Бай словно не удивился внезапному появлению старика в пурпурном и не обратил внимания на неподвижных людей вокруг. Он сел напротив, взял кувшин и сделал глоток.

— Я про того малыша. В прошлый раз я говорил тебе, что, пока ждал тебя, нашёл хороший росток.

— Хороший росток? Ладно, в первый раз он подслушивал, но в этот раз, чтобы подслушать, он просто нашёл какую-то траву и спросил меня, не Цветок Небесной Судьбы ли это. Если так

пойдёт дальше, боюсь, он каждый день будет приносить травы под предлогом, чтобы подслушать. Если бы ты не говорил мне о нём, я бы давно его прогнал, — мастер Бай сердито посмотрел на старика в пурпурном.

Старик в пурпурном рассмеялся: — Ты такой, снаружи грозный, а внутри добрый. С твоим скверным характером, если бы ты не считал его талантливым, никакие рекомендации не помогли бы.

Мастер Бай фыркнул, но не стал спорить, а вместо этого спросил: — Ты собираешься забрать его в Семь Кровавых Глаз? Там у тебя такая мрачная, зловещая атмосфера, ты загубишь талант учёного!

— Почему загублю? Какой прок от учёного? В этом мире главное — сила! — возразил старик, подняв брови.

— Учёный бесполезен? Тогда зачем ты пришёл сюда ждать меня, простого смертного, и так настойчиво приглашаешь в свои Семь Кровавых Глаз? — возмутился мастер Бай.

— Ты не такой... — старик в пурпурном смущённо улыбнулся.

— В чём я не такой?! — мастер Бай сердито посмотрел на старика.

Старик в пурпурном вздохнул и хлопнул себя по лбу: — Ой, вспомнил, у меня ещё есть дела. Мастер Бай, я пойду, завтра снова приду выпить с тобой.

Сказав это, старик встал, собираясь уходить, но перед тем, как выйти, он обернулся, посмотрел на мастера Бая и серьёзно сказал: — Мастер Бай, если ты действительно считаешь, что этот парень талантлив, передай ему побольше знаний. Дай ему шанс стать учёным с силой в Семи Кровавых Глаз.

Сказав это, старик в пурпурном ушёл со своим слугой. Как только он вышел, все в палатке мгновенно ожили, но никто не заметил своей недавней неподвижности.

Охранники продолжали стоять на посту, юноша всё ещё был расстроен, а девушка — довольна собой.

Только мастер Бай поднял голову и посмотрел в сторону, куда ушёл Сюй Цин, задумавшись.